

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ХІІІ.

Послѣдствія сраженія при Наваринѣ.—Окончаніе персидской войны.—Свиданіе Абаса-Мирзы съ генералами Бенкендорфомъ и Паскевичемъ.—Онасенія императора Николая за Рибопіера и за всѣхъ русскихъ подданныхъ жившихъ въ предѣлахъ Турціи.—Отъѣздъ Рибопіера изъ Константинополя.—Обширныя приготовленія Россіи и Турціи къ войнѣ.

Послѣ наваринскаго сраженія дѣло грековъ казалось выиграннымъ: воюющія стороны, волею-неволею, должны были принять перемиріе послѣ того, какъ Турція и Египетъ, лишившись своихъ флотовъ, не могли уже подвозить ни продовольствія, ни подкрѣпленія турецкимъ и египетскимъ войскамъ, какъ бы запертымъ въ Моревъ. Слѣдовательно, Порта Оттоманская должна была, рано или поздно, согласиться и на посредничество державъ.

Истребленіе мусульманскаго флота при Наваринѣ не было случайностію, однимъ изъ тѣхъ непредвидимыхъ событій, которыя обуславливаются силою вещей и неизбежно совершаются въ порядкѣ человѣческихъ судебъ. Это было дѣйствіе заранее предначертанное, въ особенности со стороны Англіи; Россія же и Франція только послѣдовали за движеніемъ, сообщеннымъ имъ ихъ союзницею. Оттого никто и не хотѣлъ принять на себя отвѣтственности за первый выстрѣлъ, послужившій поводомъ къ кровопролитному морскому бою.

„Въ этомъ отношеніи — говоритъ газета „Times“ съ беззащитнымъ цинизмомъ — наваринское сраженіе выгодно для турокъ, потому что если бы оно не случилось, если бы турки продолжали уклоняться отъ требованій союзниковъ, стали оттягивать время, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, то трудно было бы воспрепятствовать Россіи, *одной и по-своему*, овладѣть дѣломъ грековъ, перейдя Прутъ и двинувъ армію въ Европейскую Турцію“. Такое, почти наивное, признаніе га-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 10—12 и 1868 г. №№ 1, 3 и 4. Т. LXI. Отд. II.

зеты, всегда слышшей органомъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, уполномочиваетъ думать, что, посредствомъ боя при Наваринѣ, Англія хотѣла порѣшить восточный вопросъ и сдѣлать бесполезною прямую и личную интервенцію Россіи въ дѣла грековъ.

Кабинеты англійскій и французскій могли считать достигнутою главную цѣль лондонскаго трактата и, повидимому, не хотѣли идти дальше, т. е. они не хотѣли принудить султана немедленно подписать условія, оскорбительныя для его самолюбія и тягостныя. Политика Англіи казалась удовлетворенною пріобрѣтеннымъ результатомъ, потому что, при такомъ новомъ оборотѣ дѣла, Россія, по мнѣнію британскаго кабинета, уже не имѣла права вмѣшиваться, *одна и по-своему*, въ дѣла грековъ и двинуть армію въ дунайскія княжества.

Съ своей стороны, и императоръ Николай, хотя и справедливо раздраженный оскорбленіемъ, нанесеннымъ представителю Россіи турецкимъ правительствомъ, не хотѣлъ смѣшивать свое собственное дѣло съ вопросомъ греческимъ. Онъ ждалъ только, чтобы Порта исполнила представленія Рибопіера, которому повелѣлъ требовать полнаго и торжественнаго удовлетворенія, угрожая, въ случаѣ отказа, выѣхать изъ Константинополя... Такая угроза была слишкомъ знаменательна: русскія войска, сосредоточенныя въ Бессарабіи, ждали только приказанія, чтобы перейти Прутъ. Притомъ императоръ зналъ, что султанъ Махмудъ питалъ къ нему самыя враждебныя чувства, и что, подъ влияніемъ ненависти и мести падишаха, Диванъ надѣялся отдѣлить Россію отъ Франціи и Англіи, или, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя нейтралитетомъ сихъ двухъ державъ въ случаѣ войны Турціи съ Россіей. Предвидя неминуемость этой войны, султанъ, уже въ первыхъ числахъ ноября 1827 г., послалъ государямъ княжествъ хатти-шерифъ, призывавшій къ оружію всѣхъ мусульманъ противъ враговъ Порты. „Наши вѣчные враги, русскіе—сказано было въ хатти-шерифѣ—не должны избѣгнуть праведной кары, и всякій мусульманинъ да выѣнитъ себя въ долгъ ополчиться на нихъ законною местию“. Русское правительство не обратило впрочемъ вниманія на этотъ документъ, равносильный объявленію войны; но оно посмѣшило само собою, не ожидая мнѣнія своихъ союзниковъ, заявить надежды, возбужденныя въ немъ наваринскою побѣдою для торжества дѣла грековъ и христіанской вѣры. Оно

возвѣстиво, что лондонскій трактатъ исполненъ и что Порта Оттоманская должна будетъ, въ кратчайшій срокъ, принять посредничество трехъ державъ. По мысли императора, графъ Нессельроде написалъ и адресовалъ, 12-го ноября, всѣмъ представителямъ при европейскихъ дворахъ слѣдующую циркулярную ноту:

„Въ ту минуту, когда рѣшительное сраженіе, которое соединенныя эскадры были вынуждены дать турецко-египетскому флоту въ бухтѣ наваринской, обращаетъ на себя общее вниманіе, я считаю себя обязаннымъ познакомить васъ, милостивый государь, со взглядомъ императорскаго кабинета на сіе знаменательное событіе. Первымъ нашимъ желаніемъ было конечно, чтобы лондонскій трактатъ получилъ исполненіе безъ пролитія крови, и, въ этомъ отношеніи, мы сожалѣемъ о нашей побѣдѣ. Но, съ другой стороны, Государь Императоръ первый готовъ признать, что, имѣя въ виду уничтоженіе этого трактата истребленіемъ грековъ на твердой землѣ и вторженіемъ, которымъ Ибрагимъ-наша угрожалъ островамъ Архипелага, испытавъ его недобросовѣстность сугубымъ нарушеніемъ перемирія, о которомъ торжественно съ нимъ условились, адмиралы, атакованные при Наваринѣ, куда ихъ привели самыя миролюбивыя мѣренія, исполнили только, принявъ сраженіе, данныя имъ инструкціи и содѣйствовали успѣху общаго дѣла. Наваринское сраженіе выставляетъ въ истинномъ свѣтѣ союзъ и политику дворовъ, подписавшихъ лондонскій трактатъ. Оно позволяетъ надѣяться, что оттоманское правительство, образумившись наконецъ отъ своихъ заблужденій, поспѣшитъ принять условія, которыя хотя и возлагаютъ на него извѣстныя жертвы, но въ то же время обеспечиваютъ за нимъ существенныя выгоды.

„Отъ рѣшенія султана будетъ зависѣть и рѣшеніе нашего августѣйшаго государя. Послѣдуетъ ли Порта путемъ, согласнымъ съ нашими желаніями, усилить ли, враждебными мѣрами, неудобства своего положенія, во всякомъ случаѣ Его Императорское Величество твердо рѣшился преслѣдовать, въ тѣсномъ согласіи съ Англіей и съ Франціей, исполненіе трактата 6-го іюля, осуществить, вѣрнѣе съ силами державами, благотворныя условія его и соблюдать, при всякомъ положеніи дѣла, благородный принципъ, воспрепятствующій договаривающимся

ся сторонамъ всё стремленіе къ расширенію своихъ предѣловъ, къ завоеванію и къ исключительнымъ выгодамъ⁴.

Окончаніе персидской войны было очень кстати при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ Россія имѣла нужду обратить всё свои усилія противъ Турціи.

Никто никогда не сомнѣвался, что Оттоманская Порта была главною подстрекательницей этой войны, начатой безъ уважительныхъ причинъ и поддерживаемой съ такимъ упорствомъ; но какъ вскорѣ по открытіи мирныхъ переговоровъ съ Персіей послѣдовало сраженіе при Наваривѣ, то можно было надѣяться, что эти переговоры будутъ имѣть скорый и благоприятный исходъ. Дѣйствительно, въ теченіе трехъ сутокъ окончательно были утверждены прелиминарныя статьи трактата между Россіей и Персіей, и принцу Аббасу-Мирзѣ данъ былъ только шестидневный срокъ на окончательное согласіе.

Получивъ отъ генераль-адъютанта Паскевича проектъ условій мира, императоръ Николай немедленно послалъ ему полномочія, чтобы придать трактату характеръ рѣшительный и непреложный, прежде чѣмъ Персія успѣетъ снестись съ Англіей, своей союзницей, и воспользоваться совѣтами этой державы, которая хотя и отказала ей въ содѣйствіи войсками и деньгами, вопреки формальныхъ условій тегеранскаго договора, однако тайно не переставала поощрять ее своими внушеніями и явно оказывала шаху нравственную поддержку.

Паскевичъ не удовольствовался согласіемъ Аббаса-Мирзы на прелиминарныя статьи мира. Самый трактатъ могъ бы заставить долго ждать себя, а проволочка позволила бы шаху дожидаться событій въ Турціи, и, сообразно съ ними, установить свое дальнѣйшее поведеніе. Вотъ почему генераль-адъютантъ Паскевичъ приказалъ своимъ войскамъ идти на города Хой и Салмасъ, еще не очищенные непріателемъ. Въ свою очередь и Аббасъ-Мирза придвинулся сюда же съ двумя тысячами всадниковъ; но, опасаясь быть отрѣзаннымъ отрядомъ генерала Бенкендорфа, слѣдовавшимъ на соединеніе съ генералъ-майоромъ Лаптевымъ, по урумской дорогѣ, отступилъ къ Уруміи. Вслѣдъ за тѣмъ, наслѣдникъ шахскаго престола неожиданно извѣстилъ Бенкендорфа, что, будучи облеченъ полномочіями своего отца, отправляется въ Чевистеръ или въ Деи-Карганъ, чтобы встрѣтиться тамъ съ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и заключить миръ. Между тѣмъ городъ

Хой былъ занятъ безъ выстрѣла баталіономъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка.

16-го ноября Аббасъ-Мирза отправился по приглашенію генерала Бенкендорфа, которому Паскевичъ разрѣшилъ принять наследнаго принца съ надлежащими военными почестями. Войска наши были выстроены на обширной равнинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ за Чевистеромъ и недалеко отъ озера Урмія. Принцъ прибылъ, безъ свиты и безъ своихъ тѣлохранителей, въ предшествіи дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка и двухъ орудій, высланныхъ на встрѣчу его. Онъ сѣлъ на великолѣпномъ иноходцѣ, украшенномъ золотою сбруей, но самъ былъ одѣтъ чрезвычайно просто; одинъ кинжалъ горѣлъ блескомъ драгоцѣнныхъ камней. Присутствующіе были поражены красотою лица принца, благородствомъ его обращенія, достоинствомъ и граціей осанки. При немъ находились только зять его, Фетъ-Али-Ханъ, два англійскихъ офицера въ красныхъ мундирахъ, неожиданный пріѣздъ которыхъ удивилъ всѣхъ, да два конюха верхомъ.

По изъявленному Аббасъ-Мирзою желанію, онъ былъ привѣтствованъ шестью пушечными выстрѣлами, и генералъ Бенкендорфъ, въ сопровожденіи полковниковъ князя Долгорукова, графа Толстаго и Раевского, выѣхалъ къ нему передъ фронтомъ войскъ.

— „Мнѣ очень пріятно, генералъ“, сказалъ наследникъ шахскаго престола, свободно говорившій по-русски, „что вы, первый, обнажившій противъ меня мечъ въ кампанію этого года, первый же встрѣчаете меня и при заключеніи мира“.

Принцъ ласково привѣтствовалъ солдатъ нѣсколькими словами на русскомъ языкѣ, съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ всѣ подробности ихъ снаряженія, и, обратясь къ генералу Бенкендорфу, замѣтилъ:

— Много нужно времени, чтобы приготовить народъ къ военной службѣ. Мы, въ Персіи, только начинаемъ это. И вы, русскіе, учились, прежде чѣмъ достигли совершеннаго знанія службы. Какъ бы то ни было, отнынѣ мы станемъ жить въ добромъ согласіи.... Не странно ли однако, что я отдаю вамъ визитъ въ странѣ, принадлежащей персидской монархіи?...

Последнія слова Аббасъ-Мирза произнесъ, улыбаясь, съ отбѣскомъ грусти, отражавшейся въ его взглядѣ.

Затѣмъ, по просьбѣ принца, Бенкендорфъ представилъ ему

штабныхъ чиновъ и вѣсть съ нимъ объѣхалъ линію войскъ, расположенныхъ по чевистерской дорогѣ. Въ главѣ отряда былъ казачій Шамшева полкъ; Аббасъ-Мирза изъявилъ желаніе познакомиться съ полковымъ командиромъ и поздравилъ его съ отличнымъ состояніемъ командуемой имъ конницы.

Послѣ маневрированія пѣхоты, принцъ обратился съ похвалами къ солдатамъ и громко выражалъ свое удовольствіе, любуясь ихъ выправкою и знаніемъ дѣла. Особенно заняла принца наша артилерія: онъ въ подробности разсматривалъ орудія, спрашивалъ артиллеристовъ о разныхъ предметахъ службы и не разъ повторялъ съ грустію: „у насъ есть пушки, но нѣтъ артилеріи“. Наконецъ онъ попросилъ генерала Бенкендорфа доставить ему удовольствіе посмотреть на прохожденіе полка нижегородскихъ драгуновъ и полка гренадерскаго, и неоднократно выражалъ свое удивленіе къ русской арміи.

Прощаясь съ Бенкендорфомъ, Аббасъ-Мирза сазалъ, что надѣется на скорое заключеніе мира и что затѣмъ онъ можетъ пріѣхать въ Россію, гдѣ его ожидаетъ столько любопытныхъ и поучительныхъ предметовъ для наблюденія. „Мнѣ было бы истинно пріятно видѣть его величество императора и всю императорскую фамилію“, прибавилъ принцъ.

Аббасъ-Мирза возвратился въ Чевистеръ въ сопровожденіи русскаго же конвоя. Въ этой деревнѣ онъ рѣшился ожидать прибытія генераль-адъютанта Паскевича, и потому передъ его палаткой былъ поставленъ почетный караулъ изъ тридцати нижегородскихъ драгуновъ и такого же числа курдскихъ всадниковъ.

На другой день получено было извѣстіе, что Паскевичъ пріѣдетъ въ Деи-Карганъ и тамъ готовъ открыть переговоры о мирѣ. Вслѣдствіе этого извѣстія, Аббасъ-Мирза приказалъ своему пятнадцатилѣтнему сыну, командовавшему его тѣлохранителями, выѣхать на встрѣчу генераль-адъютанту Паскевичу до половины дороги и встрѣтить его со всіми почестями. Въ свою очередь, Паскевичъ послалъ на встрѣчу наслѣдному принцу генераль-адъютанта Сухтелена съ чинами штаба и съ дивизиономъ улановъ. Съ величайшею любезностію принялъ Аббасъ-Мирза генерала Сухтелена и рядомъ съ нимъ въѣхалъ въ Деи-Карганъ, гдѣ уже всѣ войска были выстроены. Генераль-маіоръ Панкратьевъ проводилъ наслѣдника шахскаго престола до приготовленнаго ему помѣщенія. Почетный ка-

рауль, состоявшій изъ роты своднаго гвардейскаго полка, удивилъ принца величавымъ видомъ и выправкою людей. Вскорѣ прибылъ и генералъ Паскевичъ. Аббасъ-Мирза встрѣтилъ его стоя по срединѣ комнаты, съ утонченною вѣжливостію подавъ ему руку и наговорилъ много любезностей.

Черезъ два дня, именно 8-го ноября, въ день тезоименитства великаго князя Михаила Павловича, происходилъ, въ присутствіи принца, большой парадъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Деи-Карганѣ и въ окрестностяхъ. Въ тотъ же день Аббасъ-Мирза присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ полковникомъ Шиповымъ офицерамъ гвардіи, и, вопреки мусульманскаго закона, присоединился къ тосту, провозглашенному за здоровье императора и императорской фамиліи.

Переговоры о мирѣ начались 11 (23-го) ноября и продолжались непрерывно нѣсколько дней. Аббасъ-Мирза обнаруживалъ самыя миролюбивыя намѣренія, именемъ своего отца утверждалъ, что дѣла приведутъ къ столько же быстрому, сколько и вполне удовлетворительному исходу, и хотя по всѣмъ главнымъ статьямъ уже послѣдовало соглашеніе, однако самый трактатъ былъ подписанъ только спустя три мѣсяца. Причина та, что вліяніе Англіи выказывалось слишкомъ очевидно въ тѣхъ проволочкахъ и въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыми сопровождались переговоры. Принцъ безпрестанно обращался въ Тегеранъ за новыми инструкціями, а между тѣмъ, несмотря на умышленную медлительность, продолжалъ твердить о миролюбивыхъ чувствахъ шаха. Но всѣ эти азійскія уловки не могли усыпить Паскевича: онъ не только сторожилъ Аббаса-Мирзу, но и потребовалъ, чтобы всѣ персидскія войска удалились на шестьдесятъ верстъ къ югу отъ Мараги. Въ то же время Паскевичъ помѣстилъ сильныя гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ, поддерживалъ дружественныя сношенія съ мѣстными жителями и подчинилъ всю страну русскому управленію.

Императоръ Николай, зная энергію того, кто съ такою славою кончилъ персидскую войну, не слишкомъ тревожился медленностію заключенія мира; гораздо болѣе беспокоили его опасности, угрожавшія не только посланнику его въ Константинополь, но и всѣмъ русскимъ подданнымъ, жившимъ тамъ и въ другихъ мѣстахъ отоманской имперіи. Государь опасался, чтобы религіозный фанатизмъ турокъ, ихъ наслѣдственная не-

ненависть къ Россіи, не разразились, при извѣстіи о наваринской катастрофѣ, кровавыми насиліями, которыхъ правительство султана не было бы въ состояніи ни предупредить, ни подавить. Къ счастью, ничего подобнаго не случилось. Полученныя отъ Рибопіера письма извѣщали, что общее спокойствіе ни на минуту не было нарушено и что турецкое правительство употребляло самыя бдительныя мѣры для безопасности иностранцевъ.

Представители трехъ державъ узнали о наваринской побѣдѣ двумя или тремя днями прѣжде, чѣмъ извѣстіе о томъ дошло до Дивана, такъ какъ, во время самаго боя, адмиралъ Кодрингтонъ послалъ фрегатъ въ Смирну съ депешкою къ английскому министру. Слѣдовательно, посланники имѣли время условиться между собою относительно принятія дѣйствительныхъ мѣръ въ интересахъ подданныхъ своихъ державъ: два русскіе военные корабли, стоявшіе въ Босфорѣ, получили приказаніе быть готовыми ко всякому событію; многія английскія суда, возлѣ нихъ находившіяся, расположились у входа въ константинопольскій портъ.

1-го ноября драгоманъ трехъ посольствъ явился къ рейсъ-эфенди и спросилъ его: все ли еще Порта упорствуетъ въ отказѣ принять посредничество державъ. Рейсъ-эфенди, ничего не знавшій о наваринской катастрофѣ, отвѣчалъ на нѣкоторые пункты предложеннаго вопроса уклончиво и объявилъ, что Порта никогда не отступится отъ заявленныхъ уже ею принциповъ по поводу греческаго возстанія.

Спустя нѣсколько часовъ, рейсъ-эфенди узналъ объ истребленіи мусульманскаго флота при Наваринѣ. Австрійскій интернунцій и прусскій министръ, получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, пріѣзжали, одинъ за другимъ, къ главѣ турецкаго кабинета, чтобы уговорить его не принимать никакого торопливаго рѣшенія и не подвергать Турцію величайшимъ бѣдствіямъ. Но повелѣнію султана, рейсъ-эфенди немедленно потребовалъ у трехъ посланниковъ откровенныхъ объясненій о томъ, что случилось при Наваринѣ вопреки международнаго права, какъ онъ выразился, и протіву всѣхъ человѣческихъ законовъ. Отвѣты посланниковъ, хотя умѣренные и примирительные, не удовлетворили Дивана: на другой же день онъ объявилъ, что теперь сущность вопроса измѣнилась, что изъ области политики вопросъ перешелъ въ область религіи. Напрасно пред-

ставители Пруссіи и Австріи усиливались придумать пути къ полюбовной сдѣлкѣ между Портою и тремя державами. Турецкое правительство, въ виду такихъ обстоятельствъ, приняло покаместъ одну мѣру: оно воспретило судамъ всѣхъ европейскихъ націй выходить изъ Босфора или проходить черезъ него какъ въ Средиземное, такъ и въ Черное море. Въ то же время стало извѣстнымъ, что будетъ наложено амбарго на всѣ суда русскія, англійскія и французскія, находившіяся тогда въ портахъ Турціи. Диванъ нѣсколько разъ собирался для чрезвычайныхъ засѣданій, на которыхъ присутствовали всѣ министры, даже бывшіе прежде министрами, главнѣйшіе улемы, оба сераскира и другіе сановники. Совѣщанія происходили втайнѣ.

Наконецъ 8-го ноября рейсъ-эфенди адресовалъ тремъ посланникамъ весьма твердую и весьма категорическую ноту, которою султанъ отказывался отъ всякаго рода переговоровъ до тѣхъ поръ, пока державы не отречутся отъ прямого вмѣшательства въ дѣла грековъ, давъ Портѣ торжественное удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное ея флагу при Наваринѣ, и обязавшись вознаградить ее за всѣ убытки, причиненные симъ оскорбленіемъ. Посланники отвѣчали, что интервенція трехъ державъ въ дѣло грековъ была естественнымъ слѣдствіемъ лондонскаго трактата, что турецкій флотъ самъ вызвалъ столкновеніе, кончившееся его уничтоженіемъ, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о вознагражденіи за убытки, и что Диванъ былъ предупрежденъ о тѣхъ важныхъ послѣдствіяхъ, которыя повлечетъ за собою его отказъ принять посредничество союзныхъ государствъ.

Несмотря на столь рѣшительный отвѣтъ, переговоры между рейсъ-эфенди и посланниками продолжались, но имѣли въ результатъ только снятіе амбарго съ коммерческихъ судовъ трехъ державъ. Министры Англійи и Франціи старались дать всему дѣлу миролюбивый ходъ; напротивъ, тайный совѣтникъ Рибопьеръ, по причинамъ выше объясненнымъ, не считалъ себя въ правѣ согласиться на уступки и настойчиво требовалъ или паспортовъ, или удовлетворенія за оскорбленную честь Россіи. Оба товарища съ трудомъ уговорили его сдѣлать послѣднюю попытку къ соглашенію съ рейсъ-эфенди.

Въ это время прибылъ въ Константинополь Тагиръ-паша, начальствовавшій турецкою дивизіей въ турецко-египетскомъ флотѣ при Наваринѣ. Разсказъ его о морской битвѣ, о томъ,

будто бы адмиралы союзныхъ эскадръ первые повели атаку, этотъ разсказъ, запечатлѣнный злонамѣреннымъ преувеличеніемъ, если не недобросовѣстностію, раздражилъ въ высшей степени Махмуда и его министровъ.

Три посланника, объявивъ о намѣреніи своемъ немедленно выѣхать изъ Константинополя, предложили рейсъ-эенди, во вниманіи къ важности обстоятельствъ, послѣднее совѣщаніе, на которое они соберутся всѣ трое, вопреки дипломатическихъ обычаевъ Порты, недопускавшей присутствія нѣсколькихъ иноземныхъ представителей на одной и той же конференціи. На этотъ разъ обычай былъ нарушенъ, совѣщаніе состоялось. Оно продолжалось пять часовъ. Посланники пріѣхали со своими секретарями и драгоманами; при рейсъ-эенди былъ государственный секретарь и толмачъ. Рейсъ-эенди оспаривалъ право посторонняго виѣшательства въ дѣйствія Турціи относительно ея подданныхъ, настаивалъ на денежномъ вознагражденіи за наваринскій разгромъ, говорилъ о торжественномъ удовлетвореніи за посрамленіе турецкаго флага; но, замѣтивъ, что терпѣніе посланниковъ истощилось, далъ понять, что султанъ не прочь согласиться на перемиріе подъ гарантіей трехъ державъ, что онъ готовъ предложить грекамъ, если они покорятся, извѣстныя *милостивыя условія* и тѣмъ достигнуть полюбовнаго сближенія между падишахомъ и его возмущившимися подданными. Рибопіеръ, раздраженный такимъ ослѣпленіемъ и такимъ упорствомъ, прекратилъ конференцію, воскликнувъ: „вы хотите войны! ну, и будетъ по-вашему!...“ Онъ тотчасъ же удалился, объявивъ, что выѣдетъ изъ Константинополя 1-го декабря. Тогда и оба другіе посланника должны были потребовать своихъ паспортовъ; но рейсъ-эенди отвѣчалъ, что не имѣетъ права дать представителямъ Россіи, Англіи и Франціи фирманы на выѣздъ, такъ какъ Порты не находилась въ войнѣ съ этими державами. На другой день и въ слѣдующіе дни всѣ три посланника получили предложенія хотя и неясныя, однако довольно примирительныя, имѣвшія цѣлю установить греческій вопросъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ статьи лондонскаго трактата, котораго турецкое правительство не хотѣло ни признать, ни принять ни подъ какимъ видомъ. Во всѣхъ этихъ переговорахъ Рибопіеръ не участвовалъ, а рейсъ-эенди старался даже не произносить имени Россіи.

Было слишкомъ очевидно, что Порты хотѣла только вы-

играть время и, не дѣлая уступокъ, не доходи до явнаго разрыва, дожидаться зимы, когда плаваніе русскаго флота въ Черномъ морѣ и дѣйствія союзныхъ эскадръ въ Архипелагѣ становились почти невозможными.

Посланники такъ и не получили своихъ паспортовъ, а между тѣмъ они видѣли вокругъ себя самыя дѣятельныя приготовленія къ отпору, знали, что глухое раздраженіе противъ христіанъ уже начинало проявляться между турками. Ультиматумъ, адресованный ими рейсъ-эфенди, требовалъ безотлагательнаго принятія перемирія и приглашалъ Порту подчинить посредничеству державъ распрю ея съ греками. На этотъ разъ посланниковъ не удерживали въ Константинополѣ; ихъ извѣстили, что они могутъ выѣхать, но что Порта признаетъ бесполезнымъ адресовать имъ столь настойчиво требуемые паспорта, а приметъ подъ свою защиту русскихъ, англійскихъ и французскихъ подданныхъ, порученныхъ посланниками покровительству министра нидерландскаго.

Даже и въ эту рѣшительную минуту австрійской интервунцій не отчаявался склонить султана къ миролюбивому соглашенію съ державами, подписавшими лондонскій трактатъ, и всячески старался удержать трехъ посланниковъ отъ выѣзда. Они отвѣчали, что отправятся, въ тотъ же день, на сардинскихъ судахъ въ Корфу, гдѣ будутъ ожидать инструкцій отъ своихъ правительствъ. Сардинскіе корабли стояли въ портѣ на якорѣ уже десять дней, но отплытіе трехъ посланниковъ еще не послѣдовало.

Оставляя домъ русскаго посольства въ Константинополѣ, Рибоньеръ приказалъ снять гербъ Россіи, и затѣмъ, со всѣми чинами, удалился на корабль, долженствовавшій перевезти его въ Одессу; но какъ въ Черномъ морѣ господствовали противные вѣтры, то онъ принужденъ былъ стоять на якорѣ близъ Буукдере, тогда какъ оба товарища его, отплывшіе утромъ 8-го декабря, прошли Дарданелы безпрепятственно и встрѣтили въ морѣ два фрегата, англійскій и французскій, которые сопровождали ихъ до Вурлы, въ Смирнскомъ заливѣ. Здѣсь представители Англій и Франціи дали знать консуламъ своихъ державъ о томъ, что разрывъ съ Портою неминуемъ и чтобы они прекратили отправленіе своихъ обязанностей съ 15-го января 1828 года, если не получаютъ приказанія продолжать ихъ.

Вопросъ о мирѣ и войнѣ оставался, слѣдовательно, все еще нерѣшеннымъ.

Онъ не былъ рѣшенъ въ Константинополѣ и по отъѣздѣ посланниковъ Англій и Франціи. Рибопьеръ же все еще находился близъ Буюкдере, на своемъ кораблѣ, который не могъ выйти въ море и притомъ ожидалъ прибытія русскихъ фрегатомъ, назначенныхъ сопутствовать послу. Но лишь только получено было извѣстіе, что одесскій портъ запертъ льдами, нашъ посланникъ рѣшился наконецъ отплыть 16-го декабря чрезъ Дарданелы. Въ ту самую минуту, когда корабль снимался съ якоря, рейсъ-эсенди прислалъ Рибопьеру весьма примирительную ноту, въ которой турецкое правительство вдругъ объявило себя уступчивымъ и предлагало дать грекамъ право управляться своими національными правителями подъ протекторатомъ Порты. Кромѣ того, Порта соглашалась замѣнить поголовную подать опредѣленнымъ налогомъ и не содержать мусульманскихъ войскъ ни въ Морей, ни на островахъ Архипелага. Рибопьеръ отвѣчалъ, что, за отсутствіемъ своихъ товарищей, представителей Англій и Франціи, не считаетъ себя въ правѣ обсуждать присланную ему ноту и что впредь Порта должна обращаться прямо къ тремъ державамъ, подписавшимъ лондонскій трактатъ. Рибопьеръ зналъ очень хорошо, что новыми предложеніями хотѣли только замедлить его отъѣздъ хотя бы на нѣсколько дней. Быть можетъ также, турецкое правительство хотѣло на него одного сложить отвѣтственность за явный разрывъ.

Въ сущности, султанъ Махмудъ и не думалъ о мирѣ, и ни на минуту не прекращалъ приготовленій къ войнѣ. Онъ повелѣлъ привести въ оборонительное состояніе линіи Дуная, укрѣпить острова Тенедось, Имбро и Самоеракію, построить мастерскія для отливки наплевныхъ ядеръ въ Энносскомъ портѣ, призывалъ правовѣрныхъ мусульманъ возстать на защиту ислама и распалалъ ихъ религіозный фанатизмъ публичными молитвами. Семьсотъ орудій посланы были въ дарданельскія укрѣпленія; огромные запасы отправлены въ дунайскія крѣпости, отъ Браилова до Силистріи, но въ дунайскія княжества турецкія войска не вступали. Адрианополь назначенъ былъ главною квартирою турецкой арміи, численность которой уже доходила слишкомъ до двухъ-сотъ-тысячъ человѣкъ. Махмудъ выразилъ даже намѣреніе самъ стать въ главѣ своего войска, а чтобы въ

этою не усомнились, приказалъ возобновить адрианопольскій дворецъ, въ которомъ думалъ поселиться, когда начнется война. Словомъ, султаны употребляли все способы для возбужденія энергій, мужества и патриотизма своихъ подданныхъ.

Императоръ Николай Павловичъ также не терялъ времени. Огромныя военныя приготовленія, производившіяся нѣсколько мѣсяцевъ сряду, хотя и не были еще кончены вполне, однако уже были достаточны для открытія кампаніи на Дунай. Впрочемъ, раньше весны военныя дѣйствія не могли начаться.

Изъ европейскихъ государствъ въ особенности Англія тревожилась грозными военными силами, которыя Россія готовила съ замѣчательною дѣятельностію и настойчивостію. Въ Англіи говорили, что подобныя силы, ненужныя въ случаѣ вооруженнаго вмѣшательства трехъ державъ въ пользу грековъ, предназначались, вѣроятно, для нанесенія рѣшительнаго удара на Востокъ и для разгрома Турціи. Опасенія Англіи усилились еще болѣе, когда тамъ узнали, что прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Персіи не уменьшило вооруженій Россіи, совершавшихся однако безъ всякаго шума. О нихъ едва знали даже въ Петербургѣ, гдѣ ничто не нарушало общаго хода общественной жизни, хотя работа кипѣла днемъ и ночью въ арсеналахъ и на верфяхъ и хотя императоръ предпринималъ побѣдки въ Кронштадтѣ, въ Ригу, Динабургъ для осмотра обширныхъ военныхъ и морскихъ учрежденій.

XIV.

Пожаръ въ Або.—Забывчивость императора Николая о постройкѣ этого города и о возмѣщеніи потерь, понесенныхъ тамошнимъ университетомъ.—Первое въ Россіи страховое отъ огня общество.—Новые министры: юстиціи, военный и морской.—Коренное преобразованіе морскаго министерства.—Личное участіе въ этомъ дѣлѣ императора.—Разрывъ съ Турціей.—Интриги султана при тегеранскомъ дворѣ.—Туркманчайскій договоръ.—Торговое и промышленное пресупяніе Россіи.—Постановленіе о литературной собственности.—Нимфреніе императора ѣхать въ дунайскую армію.

Посреди всѣхъ заботъ административныхъ и приготовленій къ войнѣ, императоръ Николай былъ огорченъ страшнымъ пожаромъ въ Або, тогдашнемъ главномъ городѣ Великаго Княжества Финляндскаго. Пожаръ начался, 4-го сентября, въ девять часовъ вечера, въ домѣ, наполненномъ воспламенительными предметами, и, раздуваемый порывистымъ вѣтромъ, распространился

съ поразительною быстротою. Всѣ усилія жителей и воѣскъ не могли ни остановить, ни потушить огня. Городъ, состоявшій преимущественно изъ деревянныхъ домовъ, былъ превращенъ въ груды пепла: сгорѣли протестантскій соборъ, памятникъ десятаго вѣка, университетъ, бібліотека, музей и большая часть другихъ общественныхъ зданій. Одиннадцать тысячъ жителей остались безъ крова и безъ средствъ къ жизни.

Получивъ извѣстіе объ этомъ ужасномъ несчастіи, императоръ послалъ съ графомъ Рабиндеромъ, статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, сто тысячъ рублей для раздачи наиболѣе нуждавшимся погорѣльцамъ и приказалъ объявить жителямъ Або, что ихъ городъ будетъ выстроенъ въ возможно-скорѣйшее время и что изъ казначейства имперіи уже назначено отпустить часть нужной суммы. Особенно опечалили государя невознаградимыя потери, понесенныя университетомъ: сгорѣли не только большая часть университетскихъ зданій, но и типографія, кабинеты физическій, нумизматическій, музей картинъ и бібліотека, состоявшая изъ сорока тысячъ томовъ печатныхъ и рукописей. Императоръ Николай Павловичъ ассигновалъ значительную сумму на покрытие издержекъ по всемъ этимъ научнымъ предметамъ и выразилъ положительное намѣреніе быть, подобно брату своему, императору Александру, покровителемъ возрожденнаго, благодаря его щедротамъ, университета, который рѣшено было перенести въ Гельсингфорсъ.

По странной случайности, губительный абоскій пожаръ совпалъ съ учрежденіемъ перваго въ Россіи страховаго общества. Уставъ этого общества, основаннаго адмираломъ Мордвиновымъ, оберъ-камергеромъ графомъ Литтою, сенаторомъ графомъ Потоцинымъ, банкиромъ Штиглицемъ и нѣсколькими другими богатыми негоціантами, былъ утвержденъ еще за два мѣсяца до пожара въ Або, но обнародованъ въ С.-Петербургѣ только 2-го (14-го) сентября и встрѣченъ живѣйшимъ сочувствіемъ публики.

Къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1827 года относятся и первыя мѣры императора Николая если не къ коренному измѣненію состава министерства, то къ освѣженію нѣкоторыхъ частей его болѣе молодыми и болѣе энергическими дѣятелями. Князь Лобановъ-Ростовскій, удрученный преклонными лѣтами и недугами, убѣдился, что не могъ болѣе исполнять съ успѣхомъ обязанности министра юстиціи и самъ просилъ объ увольненіи.

Управляющим министерствомъ былъ назначенъ сенаторъ князь Долгорукий, тотъ самый, которому, въ предшествовавшемъ году, государь поручилъ приготовить административную реорганизацию Курской губерніи. Военный министръ генераль-отъ-инфантерій графъ Татищевъ уступилъ свое мѣсто генераль-адъютанту графу Чернышеву, пользовавшемуся особеннымъ довѣріемъ императора. Морское министерство подверглось коренному преобразованію. Вице-адмиралъ Моллеръ, давно управлявшій имъ вмѣсто престарѣлаго маркиза Траверсе, находившагося въ отпуску, былъ назначенъ морскимъ министромъ. Онъ неоднократно изъявлялъ желаніе перейти на дѣйствительную службу во флотъ; но послѣ того, какъ военныя дѣйствія на морѣ стали казаться болѣе нежели вѣроятными, адмиралъ Моллеръ, управляя главнымъ морскимъ штабомъ, обнаружилъ такія качества организатора, что императоръ не поколебался поставить его въ главѣ морскихъ силъ имперіи. Благодаря стараніямъ Моллера флоты балгійскій и черноморскій могли выдержать сравненіе съ военными флотами Англій и Франціи; онъ много заботился между прочимъ и о томъ, чтобы отречься навсегда отъ системы, установившейся при Екатеринѣ и состоявшей въ наполненіи русскаго флота иноземными адмиралами и офицерами.

Но и личному вчинанію императора Николая должно приписать ту изумительную дѣятельность, которая, въ теченіе шести мѣсяцевъ, господствовала на петербургскихъ верфяхъ и въ морскихъ арсеналахъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени окончены были постройкою нѣсколько большихъ судовъ. Въ началѣ октября былъ спущенъ съ верфи главнаго адмиралтейства линейный ста-десяти-пушечный корабль „Императоръ Александръ“. Государь, присутствовавшій при спускѣ, остался чрезвычайно доволенъ какъ успѣшностію спуска, такъ и быстротою постройки, и приказомъ по флоту изъявилъ особенное благоволеніе всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ.

— „Ваше величество“, сказалъ капитанъ 1-го ранга Селивачевъ, назначенный командиромъ новаго корабля, „корабль, несущій славное имя императора Александра, займетъ достойное мѣсто въ русскомъ флотѣ и я употреблю всѣ усилія, чтобы онъ служилъ примѣромъ другимъ судамъ“.

Война съ Турціей должна была, впрочемъ, открыться не

дѣйствіями на морѣ, а вступленіемъ арміи, сосредоточенной въ Бессарабіи, въ дунайскія княжества. Это могло совершаться тѣмъ легче, что Порта рѣшилась не противиться занятію русскими войсками Молдавіи и Валахіи, давно предвидѣнному. Начиная съ сентября 1827 года, вторую армію со дня на день ожидали въ Яссахъ и въ Бухарестѣ.

Основныя мысли плана предстоящей кампаніи принадлежали начальнику штаба второй арміи, генералу Киселеву. Этотъ опытный генералъ, отличавшійся въ высокой [степени] практическимъ умомъ и качествами организатора, предлагалъ не вступать въ Турцію безъ значительныхъ силъ и имѣть въ княжествахъ окупаціонную и даже резервную армію. По мнѣнію генерала Киселева, хотя Турція и могла выставить въ поле 280,000 человекъ, но, по всей вѣроятности, она предпочтетъ задерживать и истощать русскія войска подъ крѣпостями, которыя надлежало, въ такомъ случаѣ, осаждать одну за другою, теряя и время и людей, чтобы имѣть возможность двигаться впередъ по странѣ гористой, болотистой, нездоровой, негостеприимной и малонаселенной. Численность же арміи, собранной тогда въ Бессарабіи, не превышала 75,000 человекъ; впрочемъ она постоянно усиливалась новыми полками, которые подходили къ ней со всѣхъ концовъ имперіи. Многочисленные подвозы продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, двигавшіеся къ южной границѣ, не оставляли болѣе сомнѣнія не только въ близости войны, но и въ ея обширныхъ размѣрахъ. Носился слухъ, что Россія одна выставитъ сухопутную армію, назначенную дѣйствовать въ Болгаріи, а между тѣмъ союзныя эскадры будутъ блокировать Дарданелы.

Война противъ иступленныхъ враговъ христіанъ, и особенно христіанъ православныхъ, изнывавшихъ подъ кровавымъ турецкимъ ярмомъ, не могла не быть популярною въ имперіи; но она возбудила одушевленіе и въ царствѣ Польскомъ, гдѣ газеты и журналы не переставали напоминать о двухвѣковыхъ войнахъ, веденныхъ Польшею съ мусульманскими ордами. Въ одной проповѣди, произнесенной въ присутствіи великаго князя Константина Павловича, было сказано, что близокъ часъ, когда Россія отмститъ за Петра Великаго, а Польша за Владислава, изгнавъ турокъ изъ Европы (*). Польская армія про-

(*) Проповѣдникъ, по всей вѣроятности римско-католическій, забылъ, что Россія еще при Екатеринѣ не только блестяще отмстила туркамъ за прут-

сила, чрезъ своихъ начальниковъ, какъ милосги повелить ей принять участіе въ предстоявшей кампаніи, и императоръ, какъ тогда говорили, намѣревался послать въ армію графа Витгенштейна одну пѣхотную дивизію, подъ начальствомъ генерала Красинскаго, одну кавалерійскую дивизію, подъ командою генерала Рожьданаго, и батарею, командуемую полковникомъ Швериннымъ.

Въ декабрь 1827 года получены были въ С.-Петербургѣ депеши отъ тайнаго совѣтника Рибопьера: онъ извѣщалъ объ окончательномъ разрывѣ съ Турціей и объ отплытіи своемъ въ Архипелагъ. Это извѣстіе не удивило и не встревожило императора, уже несомнѣвавшася въ неминуемости войны послѣ депешъ, привезенныхъ послѣднимъ курьеромъ изъ Константинополя. Государь произнесъ спокойно слѣдующія слова, тотчасъ же записанныя однимъ изъ присутствовавшихъ и помѣщенный въ концѣ официальной ноты, которая была напечатана на другой же день въ „Journal de St.-Petersbourg“:

„Ослабленіе Порты достойно сожалѣнія. Но оно только укрѣпляетъ въ державахъ, подписавшихъ лондонскій трактатъ, непрѣмное намѣреніе исполнить взаимныя обязательства съ полнымъ безкорыстіемъ и достигнуть предначертанной благой цѣли“.

Спустя два дня, получена была копія съ хатти-шерифа отъ 18-го декабря, конфиденціально адресованнаго Портою всѣмъ военачальникамъ европейской и азіатской Турціи. Въ этомъ документѣ, хотя и не назначенномъ для оглашенія, но, по нескромности, безъ сомнѣнія умысленной, сдѣлавшемся извѣстнымъ въ Европѣ, заключались самыя ожесточенныя выходки противъ Россіи, и на него можно было смотрѣть какъ на дѣйствительное объявленіе войны. Хатти-шерифъ начинался слѣдующими словами:

„Кто одаренъ хотя малою долею разсудка, тотъ знаетъ, что если всѣ мусульмане естественно ненавидятъ невѣрныхъ, то и невѣрные, съ своей стороны, суть враги мусульманъ. Всякому извѣстно, что въ особенности Россія питаетъ сильную ненависть къ исламу, и что она, уже пятьдесятъ лѣтъ, есть главный врагъ Высокой Порты.“

скую напавшіи Петра, но и потрясла въ основаніи могущество турецкихъ султано-
востъ, до побѣды Румадцова внушая, въ страхъ европейскимъ державамъ. *Ред.*

„Постоянно занятая осуществленіемъ своихъ зловредныхъ замысловъ противъ мусульманской націи и отоманской имперіи, Россія пользовалась малѣйшимъ предлогомъ, чтобы объявлять войну: смуты, произведенныя янычарами, которые, благодареніе Богу, истреблены, благопріятствовали ея успѣхамъ. Она мало-по-малу заняла наши области; ея надменность и ея притязанія увеличивались и она думала найти легкое средство исполнить свой давнишній замыселъ противъ Высокой Порты, взбунтовавъ грековъ, своихъ единовѣрцевъ“.

Итакъ, возстаніе грековъ Порты формально приписывала проискамъ Россіи! Дальше въ хатти-шерифъ имя Россіи не упоминалось и диванъ говорилъ только о трехъ державахъ, подписавшихъ лондонскій трактатъ. „Законъ, разсудокъ, политика и религія“—сказано было въ хатти-шерифѣ—„воспрещали турецкому правительству согласиться на предложенія трехъ державъ въ пользу возмущившихся грековъ. Всѣ добрые мусульмане да сольются во-едино на защиту вѣры и государства, ибо очевидная цѣль невѣрныхъ есть—истребить исламъ и подпартъ ногами магометанскую націю. Начинается война народная и религіозная...“ Затѣмъ Порта приглашала всѣхъ правовѣрныхъ готовиться къ войнѣ, принять въ ней, когда будетъ нужно, участіе ради своего спасенія въ этомъ мірѣ и въ будущемъ.

Въ то же время рейсъ-эфенди адресовалъ, отъ имени султана, къ европейскимъ дворамъ, союзнымъ Турціи, объяснительную записку, въ которой излагалъ всѣ жалобы отоманскаго правительства на Россію со временъ царствованія императрицы Еватеріны II.

Императоръ Николай сообщилъ оба эти документа своимъ министрамъ, которые выразили мнѣніе, что Турція хочетъ войны исключительно съ Россіей и что она разсчитываетъ, вопреки лондонскаго трактата, на невмѣшательство или на нейтралитетъ Англіи и Франціи.

Хатти-шерифъ, разосланный Портою своимъ агентамъ, оставался въ тайнѣ нѣсколько недѣль, и есть поводъ думать, что не Россія дала ему огласку въ Европѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ, государь рѣшилъ прервать всѣ сношенія съ правительствомъ султана, ждать, когда наступитъ время замѣнить слова дѣйствіемъ, и потому рѣшительно не согласился, чтобы графъ Нессельроде отвѣчалъ на дружеское письмо великаго визиря, помѣченное 12-мъ декабря, слѣ-

довательно за шесть дней до подписанія хатти-шерифа. Въ этомъ письмѣ турецкій сановникъ горько жаловался графу Нессельроде на поведеніе Рибопіера и выражалъ мысль, что оно не можетъ быть одобрено с.-петербургскимъ кабинетомъ. Государь сказалъ графу Нессельроде, что у Порты три мѣсяца впередъ, въ продолженіе которыхъ она успѣетъ измѣнить свои рѣшенія и изгладить свои несправедливости относительно Россіи. Но его величество зная, что Порта уступить только смѣль, и, въ предвидѣніи войны, считалъ своею обязанностию приготовить къ ней своихъ подданныхъ пробужденіемъ въ сердцахъ ихъ патріотическихкихъ чувствъ.

Рибопіеру, присоединившемуся въ Корфу къ посланникамъ Англіи и Франціи, императоръ приказалъ не вступать ни въ какія сношенія, даже косвенныя, съ министрами султана. Ища въ виду это высочайшее повелѣніе, Рибопіеръ не хотѣлъ принимать и оффиціозныхъ предложеній австрійскаго интернунція, продолжавшаго изыскивать средства къ примиренію между тремя державами и Портою: нашъ посланникъ объявилъ прямо, что миссія его кончена и что онъ возвратилъ свои полномочія своему правительству.

Такъ какъ военныя дѣйствія на сушѣ и на морѣ не могли открыться ранѣ весны, то султанъ имѣлъ время докончить свои приготовленія къ войнѣ: съ настойчивостію продолжалъ онъ организацію регулярныхъ войскъ, приказалъ починить уцѣлѣвшіе отъ наваринскаго разгрома корабли, дополнить вооруженіе крѣпостей, послалъ вновь набранныхъ солдатъ въ лагерь на Дунай и ждалъ, какъ тогда говорили, прибытія въ Азію двухъ сотъ тысячъ защитниковъ ислама. Въ то же время Махмудъ исполнилъ въ некоторомъ образѣ желанія, выраженныя тремя державами, сдѣлавъ попытку усмирить грековъ уступками. Этимъ онъ надѣялся отдѣлать отъ Россіи Англію и Францію и устранить ихъ вмѣшательство въ дѣла Греціи. Уже носился слухъ, что Англія и Франція не только не послѣдуютъ за Россіей, не только не станутъ содѣйствовать гибели или ослабленію Турціи, но даже соединятся съ нею противъ императора Николая.

Султанъ, приписывая русской политикѣ намѣреніе овладѣть Константинополемъ и призывая все мусульманское населеніе къ защитѣ ислама, рассчитывалъ поставить Россію въ такое затруднительное положеніе, которое принудило бы ее отречься

отъ всѣхъ требованій. Онъ успѣлъ уговорить персидскаго шаха не утверждать условій трактата, долженствовавшаго прекратить войну, хотя Аббасъ-Мирза уже согласился на нихъ именемъ своего отца, да и самъ шахъ одобрилъ ихъ собственноручной декларацией.

Получивъ объ этомъ извѣстie, императоръ Николай приказалъ графу Нессельроде дать знать европейскимъ дворамъ, что совѣщанiя въ Деи-Карганѣ прерваны и что неожиданная перемѣна политики персидскаго шаха „зависѣла, по-видимому, отъ обѣщанiя помощи и диверсiи, даннаго другою азиатскою державою“. — „Позволительно надѣяться“ — прибавляла официальная нота — „что шахъ, предъявившiй намъ мѣру своей недобросовѣстности, убѣдится наконецъ въ томъ, гдѣ его истинные интересы“.

Въ Европѣ общественное мнѣнiе единогласно приписывало влiянiю Порты дерзкое нарушенiе шахомъ заключеннаго трактата.

Уполномоченные обоихъ государствъ уже подписали трактатъ, прекратившiй войну между Россiей и Персiей; сумма денежнаго вознагражденiя, потребованная русскимъ правительствомъ, была опредѣлена въ двадцать слишкомъ милiоновъ рублей серебромъ; слитки золота и серебра, назначенные для уплаты первой части, уже находились на пути въ Тавризь, и, послѣ приѣма ихъ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ, русскiя войска должны были немедленно перейти на лѣвый берегъ Аракса. Вдругъ особенный уполномоченный шаха, Мирза-Абулъ-Хасанъ-ханъ, прибылъ въ главную квартиру Паскевича и объявилъ именемъ своего государя, что если русская армiя не очиститъ предварительно и немедленно Адзербейджанскую область, то шахъ не заплатитъ условленной суммы и не ратификуетъ мирнаго трактата. Въ отвѣтъ на такую дерзость, Паскевичъ приказалъ тотчасъ же возобновить военныя дѣйствiя, несмотря на почти неодолимыя препятствiя, противопоставляемые зимнимъ временемъ, которое въ этотъ годъ было суровѣе обыкновеннаго. Напрасно Аббасъ-Мирза пытался получить согласiе главнокомандующаго на продолженiе перемирiя; неожиданная перемѣна въ мысляхъ отца смущала, по-видимому, этого принца, и онъ приписывалъ ее влiянiю одного изъ своихъ братьевъ, стремившагося унаслѣдовать шахскiй престолъ. Тѣмъ не менѣе Аббасъ-Мирза не могъ опровергнуть, что обѣщанiя

помощи и диверсии были сдѣланы его отцу султаномъ Махмудомъ, который хотѣлъ вовлечь шаха въ мусульманскую коалицію, направленную не только противъ Россіи, но и противъ всѣхъ христіанъ. Принцъ воспѣшилъ въ Тегеранѣ, чтобы, какъ онъ сказалъ, привести въ исполненіе трактатъ, за который поручился.

Паскевичъ, не ожидая возвращенія наследника шахскаго престола, тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ открытію зимней кампаніи, которую совѣтники шаха считали невозможною. Въ эту минуту персидская армія не была въ сборѣ, но вооруженія дѣятельно продолжались во владѣніяхъ Феть-Алишаха.

Военныя дѣйствія начались съ двухъ сторонъ 5-го (17-го) января 1828 года. Генералъ-маіоръ Пашкратъевъ занялъ безъ сопротивленія городъ Урмію, окруженный рвами и стѣнами; въ то же время генералъ-лейтенантъ графъ Сухтеленъ быстро направился въѣзъ съ отрядомъ малочисленнымъ, но состоявшимъ изъ отборныхъ войскъ, и явился неожиданно подъ стѣнами Ардебилъ, сильнѣйшей крѣпости въ Адзербейджанѣ, гдѣ находились два сына Аббаса-Мирзы съ двухтысячнымъ гарнизономъ. Они не думали выдерживать осаду: двухъ или трехъ конгревовыхъ ракетъ было достаточно, чтобы принудить крѣпость сдаться на кавтуляцію, хотя при двадцати семи орудіяхъ состояли европейскіе артиллеристы, большею частью англичане. Всѣ эти иноземцы получили охранные листы для возвращенія на родину, а гарнизонъ, которому было дозволено выйти съ оружіемъ и багажемъ, оставилъ знамена и развѣлся въ безпорядкѣ.

Прежде чѣмъ извѣстіе о паденіи Урміи и Ардебилъ достигли до Тегерани, гдѣ знали только о прерваніи конференцій, шаяль, испугавшись послѣдствій своего необдуманнаго поступка, послѣшилъ письменно извѣстать Паскевича о посылкѣ трехъ куруровъ томановъ (6½ миліоновъ рублей серебромъ), состоявшихъ болѣе четверти той суммы, которая слѣдовала въ уплату Россіи, и о скорѣйшемъ возвращеніи принца Аббаса-Мирзы со всѣми полномочіями, необходимыми для окончательнаго заключенія трактата. Говорить, будто англійскій посланникъ, Макдональдъ, не мало содѣйствовалъ своимъ настойчивыми совѣтами къ образумленію Феть-Али и убѣдилъ его не слушаться опасныхъ внушеній турецкихъ агентовъ.

Въ послѣднихъ числахъ января Паскевичъ перенесъ свою главную квартиру въ Міанакъ, куда вскорѣ пріѣхалъ и Аббасъ-Мирза. Вышеупомянутая сумма была прислана и переговоры открылись вновь въ деревнѣ Туркманчай. 10-го (22-го) февраля былъ подписанъ здѣсь знаменитый договоръ, долженствовавшій замѣнить собою трактатъ гулистанскій. 14-го (26-го) марта походный совѣтникъ Грибоѣдовъ (авторъ комедіи „Горе отъ ума“), посланный изъ главной квартиры, вручилъ императору многославазначительный документъ.

Щедро награждалъ государь всѣхъ тѣхъ, которые, силою оружія и путемъ дипломатіи, содѣйствовали заключенію славнаго и выгоднаго мира. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ былъ возведенъ въ графское достоинство, съ наименованіемъ Эриванскаго, и получилъ миллионъ рублей изъ суммы, выплаченной Персіей за военныя издержки. И другимъ генераламъ, наиболѣе отличившимся въ эту трудную кампанію, пожалованы были значительныя денежныя награды. Графъ Нессельроде получилъ званіе вице-канцлера; второй уполномоченный, дѣйствительный статскій совѣтникъ Обрѣсковъ, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени и 300,000 рублей; Грибоѣдовъ—чиномъ статскаго совѣтника. Генералъ-лейтенантъ графъ Сухтеленъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ; полковники Муравьевъ, Гилленшмидтъ и Гурно произведены въ генералъ-майоры.

Туркманчайскимъ трактатомъ Россія могла отвѣчать, на первый разъ, Портѣ Оттоманской за всѣ ея угрозы и оскорбленія. Онъ былъ обнародованъ въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія и получилъ извѣстность во всѣхъ концахъ Европы прежде чѣмъ иностранныя дворы были увѣдомлены своими агентами о томъ, что персидская война кончилась и что Россія могла направить всѣ свои силы противъ Турціи.

Текстъ трактата былъ обнародованъ при высочайшемъ манифестѣ (отъ 21-го марта 1828), который, въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, излагалъ главныя военныя событія, и съ благородною простою указывалъ на политическіе результаты, достигнутые Россіей чрезъ эту необходимую и справедливую войну. Манифестъ о заключеніи мира съ Персіей замѣчательно еще тѣмъ, что каждая строка его, почти каждое слово отмѣчаны личною мыслию императора Николая Павловича.

Съ большимъ сочувствіемъ встрѣтила Россія извѣстіе о мирѣ, расширившемъ предѣлы имперіи и обѣщавшемъ важныя

торговныя выгоды отъ присоединенныхъ областей Эриванской и Нахичеванской.

Прошли едва четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ малочисленная армія генерала Паскевича заняла Эриванское ханство, а эта область уже совершенно преобразовалась подъ управленіемъ побѣдителей, такъ что еще за два мѣсяца до подписанія трактата, именно 6-го декабря 1827 года, въ день тезоименитства государя, городъ Эривань во многомъ напоминалъ города русскіе какъ религіозными, такъ и офціальными торжествами. Въ этотъ день была освящена здѣсь первая православная церковь; генералъ Красовскій пригласилъ къ обѣду именитѣйшихъ туземцевъ, армянъ и мусульманъ, которые отъ души присоединились къ тостамъ, провозглашеннымъ за здоровье императора и императорской фамилии, и пожертвовали три тысячи рублей серебромъ на дѣла богоугодныя.

Персія, конечно, не могла не сожалѣть о безвозвратной потерѣ двухъ плодородныхъ областей; но еще болѣе сожалѣла она о своихъ прежнихъ границахъ, о большихъ рѣкахъ, о быстрыхъ потокахъ, объ утесистыхъ горахъ, о горныхъ ущельяхъ и даже о вредоносныхъ болотахъ: всѣ эти естественныя преграды еще недавно охраняли ее отъ могущественнаго сосѣда. За то армяне, составлявшіе большинство мѣстнаго населенія въ обѣихъ областяхъ, встрѣтили болѣе нежели охотно эту територіальную уступку: они желали ее всѣми силами души, помышляли о ней какъ о благодѣяніи, потому что были здѣсь истинными рабами подъ персидскимъ господствомъ и цѣлые вѣка сокрушенно смотрѣли на поруганіе мусульманами христіанской вѣры. Одинъ изъ отцовъ армяно-григоріанской церкви предсказалъ, что армяне будутъ освобождены русскими. Предсказаніе его жило въ памяти народа такъ крѣпко, что старики, на смертномъ одрѣ, передавали своимъ дѣтямъ завѣтъ праздновать благодарственнымъ молебствіемъ и колокольнымъ звономъ тотъ день, когда солнце счастья взойдетъ надъ Арменіей, да и они возрадуются за предѣлами земной жизни. Арменія, говорили умирающіе старцы, уподобится брачному кому, оглашаемому радостными кликами, когда русскіе освободятъ отъ позорнаго ига армянскій народъ и соберутъ его въ одну семью на землѣ предковъ. Архіепископъ Нарсесъ, отличавшійся постоянно, въ продолженіе всей войны, усердіемъ и преданностію дѣлу Россіи, вспоминалъ со слезами, что его

отецъ, умирая, запретилъ ему приходить на могилу, въ которую готовился лечь, прежде избавленія Арменіи отъ власти мѣтрныхъ. Достопочтенный пастыръ убѣдительно просилъ генерала Красовскаго соутствовать ему при первомъ посѣщеніи родительской могилы: здѣсь, стоя на колѣняхъ, онъ громкимъ голосомъ благословлялъ самодержца Россіи, какъ защитника и покровителя армянской церкви. Архіепископъ Нарсесъ сдѣлалъ еще болѣе: для выраженія глубокой благодарности къ могущественному благодѣтелю своихъ единовѣрцевъ, онъ пожелалъ построить въ Сардаръ-Абадѣ православную церковь во имя святителя и чудотворца Николая. Всѣ армяне, слѣдуя примѣру своего владыки, посѣпшили внести лепту на сооруженіе этого храма. Торжественная закладка его происходила въ январѣ 1828 года. Почти въ то же самое время, монахи богатаго Эчміадинскаго монастыря поставили памятникъ для увѣковѣченія своего освобожденія русскими войсками.

Нельзя не отмѣтить слѣдующаго замѣчательнаго факта въ исторіи царствованія императора Николая: въ продолженіе всей персидской войны и не взирая на очевидность войны съ турками, обѣщавшей принять несравненно большіе размѣры, промышленное и торговое преуспѣяніе Россіи не переставало усминяться, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ наиболѣе слѣдовало опасаться непосредственнаго вліянія военныхъ дѣйствій. Это обнаружилось особенно въ черноморскихъ портахъ, гдѣ привозная и отпуская торговля приняла огромные размѣры со времени вступленія на престолъ императора Николая. Къ портамъ одесскому, таганрогскому, еваторійскому пришло въ 1827 году болѣе тысячи иностранныхъ судовъ, нагруженныхъ всякаго рода товарами и возвратившихся съ еще болѣе значительнымъ грузомъ зерноваго хлѣба, кожъ, сала, шерсти и другихъ сырыхъ произведеній. Въ Таганрогѣ вывозъ почти утроился: отсюда было отпущено на семь миліоновъ шестьдесятъ-семь-тысячъ-семьсотъ рублей. Неменьшая дѣятельность господствовала и въ сѣверныхъ портахъ: въ 1827 году къ петербургскому порту прибыли тысяча-двѣсти-пятьдесятъ-семь комерческихъ судовъ; сумма же таможенныхъ пошлинъ, за шесть лѣтъ передъ тѣмъ простиравшаяся едва до двадцати-одного миліона, превысила, въ томъ году, цѣну въ тридцать-четыре миліона рублей.

Императоръ Николай принималъ живѣйшее участіе въ столь

быстрою развитіемъ торговыхъ силъ государства и съ самою великодушною и просвѣщенною готовностію поддерживать всѣ предпріятія, имѣвшія цѣлю увеличить общественное богатство. Указомъ 2-го декабря 1827 онъ разрѣшилъ голландской компаніи основать въ Одессѣ, на пятнадцать лѣтъ, главную факторию, съ правомъ открывать конторы въ городахъ Новороссійскаго края и Бессарабіи и имѣть въ Черномъ морѣ любое число судовъ. Другимъ указомъ, 2-го января 1827, государь, для поощренія успѣховъ торговли и промышленности, вновь уменьшилъ гильдейскія повинности, какъ бы приглашая тѣмъ своихъ подданныхъ всѣхъ сословій не чуждаться занятій торговлею и особенно предпріятіями промышленными. Въ силу этого указа, лица, принадлежавшія въ потомственному или къ личному дворянству, могли учреждать фабрики и сами управлять ими, не утрачивая своего званія и не записываясь въ гильдіи. Иностранцы же получали право основывать въ Россіи промышленныя заведенія, не вступая въ русское подданство въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Въ февралѣ 1828 года, императоръ пожаловалъ, по ходатайству министра финансовъ, золотыя медали многимъ хозяевамъ фабрикъ и заводовъ въ награду за ихъ усердныя и успѣшныя старанія возвысить отечественную промышленность. Въ числѣ этихъ фабрикантовъ, Кондрашевъ и Щегловъ выдѣлывали богатые и разнообразныя шелковыя ткани, достойныя соперничать съ тканями里昂скими; сукна фабрики братьевъ Бабиныхъ выдерживали сравненіе съ сукнами вльбѣскими и седанскими; на заводѣ Фетисова изготовлялись весьма хорошіе фарфоръ и фаянсъ; иѣмецъ Брюнингхаузенъ основалъ въ Тверской губерніи огромный заводъ химическихъ предметовъ, снабжавшій своими произведеніями большую часть русскихъ фабрикъ.

Слѣдя за процвѣтаніемъ всѣхъ этихъ промышленныхъ учрежденій, императоръ много утѣшался тѣмъ, что работники были русскіе крестьяне, отличавшіеся въ самыхъ иѣжныхъ издѣліяхъ необмыновенною отчетливостію и нерѣдко неимѣшіе другихъ учителей, кромѣ собственной смѣтливости и приращеннаго вкуса. Однажды крестьянинъ, случайно видѣвшій дѣйствіе жакетровой машины, самъ построилъ на память такую же, да еще съ замысловатыми улучшеніями, которыя были примѣнены къ выдѣлкѣ атласа и бархата на мануфактурѣ Кондрашева, гдѣ ежегодно вырабатывалось до 80,000 аршинъ шелковыхъ

тканей, неуступавшихъ лучшимъ иностранцамъ ни въ блескѣ и прочности красокъ, ни въ богатствѣ рисунковъ, ни въ совершенствѣ отдѣлки.

23-го апрѣля 1828 года утвержденъ былъ государемъ уставъ о правахъ литературной собственности въ Россіи, до этого времени ничѣмъ неогражденныхъ. На основаніи устава, законные наследники русскаго писателя могли, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, истекшихъ по его смерти, пользоваться исключительнымъ правомъ издавать и продавать его сочиненія, если только авторъ не продалъ или не завѣщалъ ихъ при жизни; по прошествіи же двадцати-пяти лѣтъ, сочиненія умершаго автора становились общимъ достояніемъ. Такимъ образомъ, по непремѣнной волѣ императора Николая, литературная собственность была охранена тогда въ Россіи болѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ европейскомъ государствѣ.

Невозможно было бы перечислить всѣхъ административныхъ мѣропріятій, совершившихся въ четыре первые мѣсяца 1828 года. Дѣятельный, неутомимый умъ императора какъ будто искалъ въ нихъ отдохновенія отъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Еще въ декабрѣ 1827, когда война съ Турціей была рѣшена, государь положилъ отправиться въ дѣйствующую армію. Даже при началѣ персидской кампаніи, его величество думалъ ѣхать въ Закавказскій край, и неоднократно, въ продолженіе этой кампаніи, намѣревался неожиданно явиться на театръ военныхъ дѣйствій; но убѣжденія императрицы Маріи Ѳеодоровны и просьбы императрицы Александры Ѳеодоровны постоянно заставляли государя отсрочивать предполагаемое путешествіе, если не вполне отказаться отъ него. Теперь объ императрицы узнали о непремѣнномъ намѣреніи его величества раздѣлится съ графомъ Витгенштейномъ высшее начальство надъ дѣйствующею арміею, которая, по переходѣ чрезъ Прутъ и чрезъ Дунай, должна была двигаться на Константинополь. Тщетно старались онѣ отклонить императора отъ этого намѣренія: воля его была непоколебима. Онѣ обѣяли самымъ положительнымъ образомъ, что въ столь національной войнѣ, какъ предстоявшая, присутствіе православнаго царя среди православной арміи необходимо; что онѣ, какъ монархъ, считаютъ своею обязанностію принять скромную долю участія въ трудахъ и опасностяхъ своихъ воиновъ. Императрицы представляли, что присутствіе его въ С.-Петербургѣ, и вообще въ предѣлахъ

императрица, необходимѣе чѣмъ въ боровомъ станѣ и на непріятельской землѣ, что государство, послѣ раскрытія всѣхъ нитѣй заговора 14-го декабря 1825 года, еще не вполне освобождено отъ броженія зловерныхъ силъ. Императоръ Николай Павловичъ выразилъ почтительно двоякѣ родительницѣ и съ любовію своей супругѣ желаніе не встрѣчать въ семействѣ своемъ дальнѣйшаго противорѣчія принятому имъ намѣренію. Одному изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ онъ сказалъ въ то же время:

— Я писалъ цесаревичу: мы вмѣстѣ распорядимся такъ, чтобы я могъ отлучиться въ дѣйствующую армію на столько времени, на сколько будетъ нужно.

Между тѣмъ, въ послѣдніе мѣсяцы 1827 года здоровье императрицы Маріи Феодоровны, вступившей въ шестидесять седьмой годъ жизни, стало ослабѣвать. Черты лица ея, все еще прекрасныя и благородныя, носили на себѣ слѣды утомленія и страданія, къ которымъ иногда примѣшивался отъенокъ грусти. Предчувствія, ее тяготившія, не остались безъ вліянія и на императора: неопредѣленное опасеніе семейнаго несчастія преслѣдовало его даже при занятіяхъ государственными дѣлами. Въ свою очередь, и императрица Александра Феодоровна, видя грусть августѣйшаго супруга и не зная ея причины, тревожилась мыслию, что императоръ имѣетъ серьезныя опасенія за свое собственное здоровье, и потому еще убѣдительнѣе стала просить его не ѣздить въ дунайскую армію.

Императоръ не измѣнилъ ничего въ своемъ намѣреніи.

Въ день Рождества Христова, когда неминуемость войны съ турками распространила особенное одушевленіе между генералами и офицерами, собравшимися въ Зимнемъ дворцѣ на торжественное благодарственное молебствіе объ изгнаніи непріятеля въ 1812 году, взоры всѣхъ съ участіемъ обращались на императрицу-мать и на императрицу-супругу, которыя, по слухамъ, были нездоровы, и дѣйствительно имѣли болѣзненный видъ. Замѣтили также, что императоръ былъ блѣднѣе обыкновеннаго и казался грустнымъ.

Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы подтвердить возникшія опасенія, которыя нашли отголосокъ и въ публикѣ. Такія опасенія, къ счастью ложныя, или по крайней мѣрѣ преувеличенныя, внушили президенту академіи наукъ, тайному совѣтнику Уварову, произносившему рѣчь въ торжественномъ

засѣданія 29-го декабря 1827 года, слѣдующія трогательныя слова:

„Вознесемъ единодушныя чувства, вознесемъ, милостивые государи, къ небесному Подателю всѣхъ благъ! Да проліетъ Онъ свой божественный лучъ на свѣтозарныя дни Императора! Да благословитъ его на миръ и на войну! Да освѣтитъ неуязвимымъ щитомъ возлюбленную главу могущественнаго монарха, примѣрнаго гражданина, нѣжнаго отца, почтительнѣйшаго сына! Праправнукъ Петра Великаго, внукъ Екатерины II, сынъ Маріи, братъ Александра, сколько величественныхъ образцовъ найдетъ Онъ на каждой страницѣ лѣтописей своего царственнаго дома! И сила творящаго духа, и могучая охранительная мудрость, и наследственное величіе души, и добродѣтель искренняя, скромная, и слѣды монарха, нами еще оплакиваемаго, все окружаетъ Николая, все говоритъ намъ, что столько залоговъ славы и благоденствія не останутся безплодными, и что Богъ съ нами!“

(Продолженіе будетъ.)